

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИНСТИТУТ  
СОЦИАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Центр политической и экономической  
истории России

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ  
ИСТОРИЯ  
РОССИИ  
В ПАРТИЯХ  
И ЛИЦАХ**



МОСКВА  
«ТЕРРА» - «TERRA»  
1993

# ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ



МЕНЬШЕВИКИ  
СОЦИАЛИСТЫ—РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ  
ЭСЕРЫ—МАКСИМАЛИСТЫ  
АНАРХИСТЫ  
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ  
ОКТЯБРИСТЫ  
СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА  
РАДИКАЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТЫ

## МЕНЬШЕВИКИ

Среди общественно-политических течений и партий, составлявших левый фланг освободительного движения в России, видное место занимал меньшевизм. Число его сторонников в период революции 1905—1907 гг. колебалось между 40 и 50 тыс., а в 1917 г., когда меньшевики вышли из подполья, доходило до 200 тыс. чел.

Течение внутри марксизма и российского рабочего движения, фракция РСДРП, а затем, с весны 1917 г., самостоятельная марксистская рабочая партия, составная часть II Интернационала — таковы его основные определения, которые можно найти сегодня в отечественных и зарубежных изданиях. Но за этими скупыми строчками стоит повсюду очень яркая и глубоко трагическая судьба десятков тысяч людей, которые искренне верили, что наши ключи от светлого будущего своей страны, и готовы были отстаивать эту святую для них веру сначала под градом репрессий царских властей, а после октября 1917 г. — в новом, теперь уже советском, подполье.

На протяжении неполных шести месяцев, в мае — октябре 1917 г., меньшевики были одной из правящих партий России, но не смогли реально помочь своему народу в поисках выхода из того тупика, в который загнала его мировая война, и в конечном счете не выдержали испытания властью. А дальше была длинная, растянувшаяся на ряд десятилетий дорога в политическое небытие: репрессии сталинщины на родине и постепенное вымирание на чужбине, отлучение от марксизма и революции в официальной советской историографии, непонимание, фальсификация истории, клевета...

Формально российский меньшевизм родился на берегах

туманного Альбиона, в Лондоне, где на заключительном этапе работы II съезда РСДРП во время выборов центральных учреждений партии произошел раскол на сторонников Ленина и Плеханова, с одной стороны, и так называемых «мягких» «искровцев», сторонников Мартова и Аксельрода — с другой. Первые, как известно, получили название большевиков, вторые — меньшевиков.

На первый взгляд все дело сводилось к спорам, возникшим на съезде вокруг персонального состава редакции газеты «Искра» и ЦК РСДРП, однако на деле причины раскола были гораздо серьезнее, а его корни уходили в более раннюю историю российского рабочего и социал-демократического движения. Действительно, в теории и практике меньшевизма можно явственно различить наследие плехановской группы «Освобождение труда» (оно составляло ядро меньшевистской доктрины), «легального марксизма» и «экономизма». Много общего было у меньшевиков и с западноевропейской социал-демократией, хотя их сходство никогда не доходило до тождества этих течений. (Заметим, что основная часть меньшевиков не разделяла идей Э. Бернштейна и больше симпатизировала К. Каутскому и центристской интерпретации марксистских идей в партиях II Интернационала.)

Историки и политологи давно пытались объяснить феномен меньшевизма, найти его гносеологические, социальные и психологические корни. При этом советское обществоведение вслед за Лениным видело суть данного явления в мелкобуржуазной, соглашательской природе меньшевиков, в подчинении ими интересов рабочего класса интересам буржуазии, а всю их политическую деятельность рассматривало как непрерывный ряд непростительных для марксиста «грехопадений». Между тем реальная жизнь была гораздо сложнее этой жесткой и довольно вульгарной схемы, хотя объективно более широкий и непредвзятый, чем у сторонников Ленина, взгляд меньшевиков на многие социально-политические явления, постоянные поиски ими компромиссных решений, стремление соединить идеалы революции и социализма с общечеловеческой моралью не могли не удлинять и видоизменять путь к осуществлению марксистских идеалов и могли показаться наиболе нетерпеливым и бескомпромиссным ревнителям партийной ортодоксии чуть ли не изменой пролетарскому делу.

Как показывает опыт международного рабочего и социалистического движения, в нем всегда существовал плюра-

лизм мнений по таким кардинальным вопросам, как соотношение объективных и субъективных факторов исторического процесса, реформизма и революционности, парламентских и внепарламентских методов борьбы, морали и политики. По-разному оценивались также роль насилия в утверждении грядущего социалистического строя, возможности ограничения демократии революционной партией, перспективы взаимоотношений рабочего класса с другими слоями общества. В зависимости от ответа на эти и другие спорные вопросы марксисты, как и сторонники других революционных течений, повсюду делились на «твердых» и «мягких», ортодоксов и оппортунистов, догматиков и прагматиков.

В России все эти проблемы с особой остротой встали в начале нынешнего столетия, когда страна вступила в длительную полосу общенационального кризиса и в ней четко обозначилась революционная ситуация, чреватая мощным социальным взрывом. Более позднее по сравнению с Западом развитие российского капитализма, слабость буржуазии и ускоренное социально-политическое созревание пролетариата, преобладание в России крестьянского населения, многонациональный характер империи, громадная мощь самодержавного государства и отсутствие в нем элементарных демократических свобод — все это создавало для марксистов принципиально новую ситуацию, в которой уже «не работало» многое из того, чем по праву гордился II Интернационал.

В социал-демократическом движении России в это время объективно назрел переход от разрозненных кружков к единой, строго дисциплинированной марксистской партии с жестким отбором членов, сильными центральными инстанциями и довольно значительным слоем профессиональных революционеров-интеллигентов. В итоге и произошло резкое обострение идейной борьбы в социал-демократическом движении России, завершившееся расколом в рядах РСДРП.

Если добавить к этому, что в освободительном движении России была особенно значительна роль радикально настроенной революционной интеллигенции с ее нигилизмом, повышенной амбициозностью, нетерпимостью к инакомыслию, социалистическим мессианством и т. д., то станет ясно, почему внутрипартийные разногласия в РСДРП всегда принимали болезненно бурный и конфликтный характер. Этому способствовало и то, что значительная часть социал-демок-

ратической интеллигенции и главные лидеры партии находились в начале 900-х гг. в эмиграции, специфические условия которой генерировали взаимное отчуждение, подозрительность, зависть, склоки и т. д.

В этой обстановке и возникла фракция социал-демократов меньшевиков, сразу же взявшая курс на резкое размежевание с ленинцами, которые, кстати говоря, отвечали своим соперникам тем же. Очень скоро стало ясно, что, несмотря на общность программы и устава, утвержденных на II съезде РСДРП, между ними существуют не только организационные, но и тактические и даже стратегические расхождения. Это не исключало того, что большевики и меньшевики оставались, по образному выражению Плеханова, «враждующими между собой братьями», причем рабочие, не очень разбиравшиеся в тонкостях интеллигентских разногласий, дружно требовали объединения обеих марксистских фракций, которое и произошло в ходе революции 1905—1907 гг.

Как известно, на IV съезде РСДРП (1906 г.) начавшееся годом ранее объединительное движение завершилось формальным восстановлением единства партии, хотя в прочность этого мира верили больше рядовые социал-демократы, чем их вожди. Если 1905 г. действительно сблизил обе фракции РСДРП, то начавшийся затем спад революционной волны вновь усилил трения между большевиками и меньшевиками, а в 1912 г. сторонники Ленина решительно пошли по пути нового организационного размежевания внутри РСДРП, закончившегося весной 1917 г. окончательным и бесповоротным «разводом» бывших товарищей по борьбе.

Что же представлял собой меньшевизм с точки зрения состава его приверженцев, социальной базы, программы, тактики?

Следует подчеркнуть, что ограниченность источниковой базы и отмеченная выше довольно запутанная история межфракционных взаимоотношений в рядах РСДРП, не позволявшая часто провести четкую границу между большевиками и меньшевиками, крайне затрудняют определение их реальной численности и особенно национального, социального и профессионального состава. Известно, например, что на самом представительном и демократичном в дооктябрьский период V съезде РСДРП (1907 г.), данными о составе делегатов которого широко пользуется вся западная историография, среди меньшевиков было 34% русских, 29%

грузин и 23% евреев (у большевиков указанные национальные группы составляли соответственно 78, 3 и 11%). Если сопоставить эти цифры со сведениями о численности меньшевиков в отдельных городах и районах России (в 1907 г. в Тифлисе было, например, до 5 тыс. меньшевиков, Киеве — 2 тыс., Баку и Екатеринославе — по 1 тыс. и т. д.), то можно сделать вывод о том, что в общем и целом они были особенно сильны в ряде национальных районов Российской империи, хотя в таких крупных «русских» промышленных центрах, как Петербург и Москва, количество меньшевиков тоже было довольно значительным (соответственно 2,8 и 1,5 тыс. чел.).

Интересны также анкетные данные о социальном составе делегатов чисто меньшевистского съезда, состоявшегося в августе 1917 г. Среди них было 27% рабочих и 46% интеллигентов (последнюю цифру нужно еще увеличить за счет некоторых других групп делегатов съезда). Таким образом, основное ядро меньшевиков составляли интеллигенты и рабочие при явном преобладании первых.

Многие годы одной из аксиом марксистской историографии был тезис о том, что главной опорой меньшевизма в пролетарском движении была так называемая рабочая аристократия — тончайший привилегированный слой высококвалифицированных, хорошо оплачиваемых, грамотных и реформистски настроенных рабочих, которые стояли как бы на границе между пролетариатом и мелкой буржуазией.

Эта схема была во многом навеяна довольно искусственными аналогиями II Интернационала и не соответствовала реальным условиям царской России, где рабочая аристократия (в той мере, в какой о ней действительно можно было говорить) тянулась не столько к меньшевикам, сколько к монархистам.

Правильнее было бы сказать, что меньшевики опирались в первую очередь на «рабочую интеллигенцию» — более культурных и в общем и целом революционно настроенных пролетариев, не приемлющих большевистского экстремизма, но достаточно четко ориентированных на идеалы демократии и социализма. Кроме того, за меньшевиками шли и некоторые слои рабочих-средняков, причем в определении их фракционных симпатий решающую роль играли порой личные качества тех или иных социал-демократических руководителей на отдельных заводах, шахтах и железных дорогах, знакомство с большевистской или меньшевистской

литературой и т. д. При этом нужно учитывать, что особенно наиболее благоприятным для роста меньшевистских настроений в рабочей среде был период, наступивший после поражения революции 1905—1907 гг., особенно время предвоенного промышленного подъема 1909—1914 гг., когда в пролетарском движении России стало появляться все больше черт, сближавших его с рабочим движением на Западе (развитие профсоюзов, больничных касс, кооперативов, расширение масштабов деятельности Думской фракции РСДРП, рост рабочей партии и т. д.).

Большой интерес в этом плане представляют сравнительные данные о рабочих сборах на большевистскую, меньшевистскую и эсеровскую партийную печать в 1913 г. Из 3,1 тыс. таких сборов на долю меньшевистской газеты «Луч» пришелся 21% по сравнению с 70% у большевиков и 9% у эсеров. По отдельным профессиональным картинам выглядела следующим образом: наиболее популярна была меньшевистская газета у шахтеров (51% сборов), затем шли металлисты и печатники — по 26%, рабочие железнодорожных депо и мастерских — 24%, в то время как у текстильщиков меньшевики получили лишь 9% сборов.

Обогнать большевиков по популярности в рабочей среде меньшевикам удалось лишь в 20 из 66 губерний и областей России — на Дону и Северном Кавказе, в Западном районе, Царстве Польском, Закавказье, Сибири и на Дальнем Востоке. Сильны были также позиции меньшевиков в Петербурге, Москве и Южном промышленном районе. Заметим, что в этих же районах были традиционно сильны и меньшевистские партийные организации.

Все это вместе взятое говорит о том, что у нас нет оснований искусственно отрывать меньшевизм от пролетариата и рабочего движения, объявлять его мелкобуржуазным течением и ставить в один ряд с другими «непролетарскими партиями». Решающую роль в различиях между меньшевиками и большевиками играли, как нам представляется, не социальные, а психологические различия между ними. Нерешительность, празднословие, склонность к рефлексии и быстрым сменам настроений, излишняя претенциозность, индивидуализм — таковы некоторые характерные черты типичного меньшевика-интеллигента. Вместе с тем революционеры этого типа, как свидетельствует мемуарная литература, отличались осмотрительностью и рассудительностью, трезвой расчетливостью, повышенной чувствительностью к любым проявлениям моральной нечистоплотности и



грубой авторитарности, т. е. имели не только слабые, но и сильные стороны.

Своеобразным цементирующим раствором, соединявшим достаточно разнородные в сословном, профессиональном и национальном плане группы меньшевиков, была идеология марксизма, включавшая в себя основы диалектического и исторического материализма, марксовской политэкономии и учения о социализме. Конечно, о серьезном знании марксизма можно было говорить лишь применительно к самой верхушке меньшевистской интеллигенции, тогда как более широкие круги меньшевиков знали Маркса и Энгельса лишь по отдельным их работам, а часто лишь по разного рода комментариям и популярным брошюрам, которых появилось особенно много в период революции 1905—1907 гг.

При этом вклад самих меньшевистских теоретиков в развитие марксистской теории и марксистский анализ российской действительности был довольно скромным, хотя нет оснований и преуменьшать его. Так, в области философии неоспоримы заслуги Г. В. Плеханова. Серьезные работы публиковали также Л. И. Аксельрод (Ортодокс) и А. М. Деборин. Из меньшевистских экономистов можно назвать крупного ученого-аграрника П. П. Маслова, С. Г. Струмилина, В. П. Романа. Изучением истории общественной мысли и политической истории России занимались Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, А. Н. Потресов, Ф. И. Дан, Н. А. Рожков. Наиболее фундаментальными трудами в этой области стали «История русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, пятитомник «Общественное движение в России в начале XX-го века», «История РСДРП» Ю. О. Мартова, «Русская история в сравнительно-историческом освещении» Н. А. Рожкова и др. К сожалению, в советской историографии позитивное значение этих работ традиционно замалчивалось или с порога отрицалось, так что их объективный научный анализ пока еще практически отсутствует.

Если говорить о самом подходе меньшевиков к марксизму, то их можно упрекнуть скорее в излишне догматическом восприятии идей Маркса, Энгельса и их западных учеников, чем в попытках их ревизии, как принято было изображать дело в советской литературе. Правда, у меньшевиков, в частности у Плеханова, не было недостатка в обещаниях применять основные марксистские положения к российской действительности творчески, с учетом специфики отечественной истории, социально-эко-

номических отношений, политических учреждений, культуры и т. д. Однако на практике выполнить эти обещания они в полной мере не смогли.

Стоит отметить, что меньшевики были достаточно осторожны в своих оценках уровня развития капиталистических отношений в России. Так, например, Плеханов акцентировал внимание на незавершенности процесса капиталистической эволюции ее народного хозяйства и далеко еще не исчерпанных к 1917 г. созидательных потенциях буржуазного строя.

Для меньшевиков был характерен классовый подход к истории общества, признание объективной смены общественно-экономических формаций. При этом они никогда не ставили под сомнение необходимость и большое прогрессивное значение социальных и политических революций, не фетишизировали правительственные реформы, в том числе и реформы Столыпина.

Стратегический курс меньшевизма определялся программой РСДРП, которую в 1902—1903 гг. разработали члены редакции «Искры» при ведущей роли Плеханова (его основным оппонентом, как известно, был Ленин). Она была принята в 1903 г. и оставалась на вооружении и меньшевиков, и большевиков в период всех трех российских революций. Как известно, она состояла из программы-минимум, рассчитанной на период борьбы за свержение самодержавия, и программы-максимум. Первая предусматривала создание в России демократической республики, предоставление всем гражданам политических свобод, право наций на самоопределение, выборность судей народом, отделение церкви от государства и школы от церкви, всеобщее и обязательное бесплатное образование детей до 16 лет, замену постоянной армии всеобщим вооружением народа. Вторая — декларировала необходимость социалистической революции и диктатуры пролетариата, введение общественной собственности на средства производства, бестоварного планового хозяйства, уничтожение классов.

В интересах защиты пролетариата «от физического и нравственного вырождения, а также в интересах развития его способности к освободительной борьбе» РСДРП выдвигала особую программу по рабочему вопросу из 16 пунктов, включая введение 8-часового рабочего дня, государственного страхования по старости, болезни и при потере работоспособности.

Большое значение в такой крестьянской стране, как

Россия, имел аграрный раздел программы РСДРП, включавший требования возвращения крестьянам так называемых «отрезков» (земель, отрезанных у крестьян при проведении реформы 1861 г.), а также выкупных и оброчных платежей. Кроме того, в ней предусматривались конфискация монастырских, церковных и удельных земель. Что касается идеи национализации всех земель еще на демократическом этапе революции, то меньшевики считали, что она приведет лишь к укреплению и без того сильных в России государственно-бюрократических структур, а в случае поражения революции — к усилению самодержавия.

Когда же в ходе революции 1905 г. стало ясно, что крестьянство требует полной экспроприации помещичьего землевладения, по предложению меньшевиков на IV (Объединительном) съезде РСДРП была принята новая редакция аграрной программы, предложенная П. П. Масловым и поддержанная Г. В. Плехановым. Она предусматривала конфискацию всех земель, кроме крестьянских (и вообще мелкого землевладения), и передачу большей их части не государству, а в распоряжение демократических органов местного самоуправления — муниципалитетов (отсюда и ее название — программа «муниципализации» земли). При определенных условиях допускался и раздел части помещичьих земель между крестьянами.

Рациональным зерном в программе «муниципализации» были ее антифеодальные и антибюрократические тенденции, приобретающие особое значение в условиях России. Однако она отличалась крайней расплывчатостью и не отвечала на самый главный вопрос, волновавший в то время крестьян: когда и на каких условиях получают они, наконец, помещичью землю. Не давала эта программа и гарантий от реставрации старых порядков в случае поражения революции, ибо тогда не удалось бы сохранить ни демократические муниципалитеты, ни муниципальную собственность. Все это, вместе взятое, делало план меньшевиков весьма уязвимым.

В области межнациональных отношений меньшевики признавали право наций на самоопределение вплоть до отделения и широкую политическую и культурную автономию крупных национально-территориальных комплексов в рамках единого многонационального государства. Вместе с тем многие из них вместе с бундовцами разделяли заимствованную у австрийских марксистов теорию культурно-

национальной автономии, которую можно было применить к так называемым «малым» народам или народам с большой и широкой диаспорой, в частности к евреям.

Если говорить о стратегических и тактических установках меньшевиков, то здесь можно выделить следующие основные постулаты:

1) марксистская партия ставит перед собой только те задачи, для решения которых уже созрели объективные условия;

2) она стремится к максимальному расширению состава участников освободительного движения, не отталкивая от него и оппозиционно настроенные слои буржуазии, причем пролетариат и РСДРП идут в авангарде борьбы с самодержавием, увлекая за собой все другие революционные и оппозиционные силы;

3) допускаются политические блоки со всеми демократическими силами, включая партию кадетов;

4) не исключается использование любых средств политической борьбы, в том числе и вооруженных, если только они не расходятся с элементарными нормами нравственности (на этом основании меньшевики решительно отрицали экспроприации и политический терроризм);

5) наряду с нелегальными используются все виды легальных организаций (профсоюзы, кооперативы, культурно-просветительные общества), а также Государственная дума;

6) пролетарская партия не стремится к преждевременному захвату власти, предпочитая на демократическом этапе революции оставаться в роли крайней левой оппозиции (в мае 1917 г. меньшевики, требовавшие вначале лишь контроля Советов над Временным правительством, нарушили этот принцип и вошли в состав кабинета князя Львова, дискредитировав себя тем самым в глазах значительной части народа).

При этом меньшевики стремились развивать инициативу и политическую самостоятельность пролетариата, не командовать им, а просвещать, помогать, организовывать, бороться не только за его политические права, но и за удовлетворение насущных экономических интересов. Отрицая любые формы политического экстремизма и авантюризма, они предпочитали действовать не методами обструкции и бойкота, чем нередко грешили большевики, а методом конструктивного политического диалога с любым возможным со-

юзником, как бы велики ни были расхождения с ним, носившие доктринальный характер.

Следует подчеркнуть и такую особенность стратегии и тактики меньшевиков, как их ориентированность на западно-европейские образцы (это относилось также и к принципам организационного построения пролетарской партии, ее взаимоотношениям с профсоюзами и т. д.). Однако любое лоражение — каким бы оправданным оно порой ни было — таило в себе и значительную опасность, ибо общественно-политические условия, в которых проходила деятельность РСДРП, сильно отличались от ситуации в странах Запада. Точно так же очень часто подводили меньшевиков и разного рода исторические аналогии с европейскими буржуазными революциями XVIII—XIX веков, служившие им образцом при принятии важных политических решений.

Так было, например, в период революции 1905—1907 гг., в которой меньшевики никак не хотели видеть буржуазно-демократическую революцию нового типа, принципиально отличавшуюся от Великой французской революции XVIII в. и европейских буржуазных революций середины прошлого столетия. Анализируя события 1905 г. в России, они подчеркивали общенациональный характер революционного движения, видели на политической арене лишь два лагеря — правительственный и демократический и всячески старались наладить контакты с либеральной общественностью, отдавая ей явное предпочтение перед таким потенциальным союзником рабочих, как крестьянство, политическая темнота и частнособственнические инстинкты которого внушали меньшевикам откровенный страх. Очень быстро угасала у них и надежда на возможность осуществления гегемонии пролетариата в революции (как признавались позже некоторые меньшевистские лидеры, например Ю. О. Мартов и А. С. Мартынов, такая гегемония носила сугубо ограниченный и временный характер и просуществовала лишь до осени 1905 г.). В итоге меньшевики пришли к мнению, что историческим преемником самодержавия у кормила власти в России может быть лишь либеральная буржуазия.

В период подъема первой российской революции меньшевики, усиленно тянувшиеся в то время за большевиками, активно действовали на всех фронтах политической борьбы. Выполняя решения своей Женевской конференции (весна 1905 г.), они агитировали рабочих за вооруженное восстание, участвовали в организации забастовок, вели револю-

ционную работу в армии, среди студентов, служащих, крестьян. На страницах «Искры», которая начиная с ноября 1903 г. вплоть до октября 1905 г. была центральным органом меньшевиков, их лидеры пропагандировали идеи «революционного самоуправления», «рабочего съезда», «самовооружения» народа и т. д. Одной из форм революционного самоуправления меньшевики считали и возникшие в 1905 г. Советы рабочих депутатов, в деятельности которых они принимали вместе с большевиками и эсерами активное участие (в Петербурге, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Одессе, Николаеве, Баку, Смоленске меньшевики руководили местными Совстами).

В конце 1905 г. меньшевики приняли участие в ряд вооруженных восстаний, включая самое крупное из них — Московское, однако после их поражения быстро отказались от лозунга вооруженной борьбы. На втором этапе революции (1906—1907 гг.) центр тяжести в деятельности меньшевиков был перенесен на работу в Государственной думе, в которой они видели важное средство политического просвещения народа, и в профсоюзах. В I Думе практически все 18 социал-демократических депутатов стояли на меньшевистских позициях, т. к. большевики бойкотировали выборы, а во II Думе на долю меньшевиков приходилось 2/3 членов фракции РСДРП. Особенно активны были при этом грузинские меньшевики, в частности Ной Жордания и Ираклий Церетели. Меньшевики были в то время и руководителями многих профсоюзов, записав в свой актив большую работу по защите экономических интересов трудящихся.

В 1906—1907 гг. меньшевики укрепили свои позиции в рабочем и социал-демократическом движении. Они доминировали на IV (Объединительном) съезде РСДРП (1906 г.), основные решения которого были выдержаны поэтому в меньшевистском духе, а через год, на V съезде РСДРП, имели почти столько же голосов, как и большевики (лишь поддержка ряда национальных организаций РСДРП обеспечила там победу ленинского направления). В период революции среди меньшевиков выделялись своей активностью Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. С. Мартынов, Ф. Н. Дан, Ю. Ларин (М. А. Лурье), работники-практики В. А. Антонов-Овсенко, И. Б. Бассовский, В. П. Краснуха, П. Н. Колокольников, В. Н. Крохмаль, Л. М. Хинчук и др.

Как известно, в 1905—1907 гг. не оправдались ни прогнозы большевиков, ни прогнозы меньшевиков. Не дал, в

частности, ожидаемого эффекта меньшевистский курс на координацию действий пролетариата и буржуазии, РСДРП и партии кадетов. Не удалось меньшевикам созвать и «рабочий съезд», который, по их расчетам, должен был помочь пролетариату избавиться от опеки интеллигенции и обрести подлинную самостоятельность. Вместе с тем меньшевизм приобрел в 1905—1907 гг. немалый практический опыт политической борьбы, доказал, что за ним идет значительная часть рабочих, заставил считаться с собой все политические партии России.

Послереволюционный период ознаменовался кризисом всех политических течений и организаций, в первую очередь революционных. Не избежали его и меньшевики. Многим из них пришлось вновь пополнить ряды эмигрантов, другие оказались в тюрьмах и ссылке, третьи — затаились до лучших времен в уцелевших после правительственных репрессий легальных рабочих и общедемократических организациях, четвертые — просто отошли от революционного движения. Меньшевистская интеллигенция пребывала в состоянии уныния, апатии, разброда. Все более усиливались и трения меньшевиков с большевиками, которые во что бы то ни стало хотели сохранить свою фракционную дисциплину, негласный руководящий центр во главе с Лениным, собственную заграничную партийную кассу, пополнявшуюся порой не очень честными путями (экспроприация и т. д.).

После поражения революции среди меньшевиков стало набирать силу так называемое «ликвидаторское» течение (А. Н. Потресов, Н. Череванин, В. Левицкий и др.), сторонники которого хотели в максимально возможной степени интегрировать российскую социал-демократию в новую столыпинскую систему. Для этого они предлагали отказаться от партийного подполья, создать легальную рабочую партию, развивать профсоюзы и т. д. При этом молчаливо допускалось, что России уже не потребуется новая буржуазная революция и ее дальнейшее развитие пойдет чисто реформистским путем.

Однако основная часть меньшевиков считала необходимым сохранить в несколько реформированном и, главное, очищенном от большевистского ультрацентрализма виде старые партийные структуры, включая подполье. Кроме того, они полагали, что рано или поздно в России произойдет новая демократическая революция, толчком к которой послужит политический кризис, вызванный неизбежным, по

их мнению, в недалеком будущем полевением российской буржуазии.

В итоге внутри меньшевизма сложились в 1908—1914 гг. три основных течения: «ликвидаторы»; сторонники Ю. О. Мартова и Ф. И. Дана, группировавшиеся вокруг заграничной меньшевистской газеты «Голос социал-демократа»; и «меньшевики-партийцы» во главе с Г. В. Плехановым.

В 1912 г. после Пражской конференции РСДРП «ликвидаторы» и меньшевики-мартовцы вместе с Л. Д. Троцким и рядом национальных социал-демократических организаций провели в Вене свою контрконференцию и сделали попытку организовать в противовес большевикам-ленинцам так называемый Августовский блок. Однако он оказался нежизнеспособным и скоро распался.

В годы мировой войны произошла новая перегруппировка меньшевистских сил: «ликвидаторы» и Плеханов стали оборонцами, Мартов возглавил течение левых меньшевиков-интернационалистов, а «центр» во главе с Организационным комитетом меньшевиков и думской фракцией РСДРП занял умеренно пацифистские позиции. При этом сохранялось внешнее единство меньшевизма, а его конфронтация с большевизмом приняла еще более резкий и непримиримый характер. В сфере практической деятельности главным достижением меньшевиков в период войны было создание рабочих групп военно-промышленных комитетов, которые использовались как легальные опорные пункты меньшевизма. Руководителем рабочей группы Центрального ВПК в Петрограде был меньшевик К. А. Гвоздев. В рабочих группах ВПК активно работали также Б. О. Богданов, А. И. Кабцан и др.

Бурный поток февральско-мартовских революционных событий 1917 г., в которых меньшевики не сыграли, однако, сколько-нибудь крупной роли, тем не менее быстро вынес их на авансцену политической жизни России. Располагая примерно 10% мандатов в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, ставшем тогда практически вторым правительством огромной страны, меньшевики заняли ведущее положение в его исполкоме, а лидер социал-демократической фракции IV Думы меньшевик Н. С. Чхеидзе стал председателем Совета. В Москве аналогичный пост занял меньшевик Л. М. Хинчук. В мае 1917 г. меньшевики вошли в состав коалиционного Временного правительства: М. И. Скобелев получил портфель министра труда, а



Н. Г. Церетели — почт и телеграфов. В дальнейшем членами правительства были меньшевики К. А. Гвоздев, А. М. Никитин, П. Н. Малянтович. Наконец, на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. Чхеидзе стал председателем ЦИК Советов.

В обстановке революционной эйфории, охватившей в 1917 г. Россию, которая стала вдруг одной из самых свободных (но, к сожалению, не подлинно демократических) стран мира, вышедшие из подполья меньшевики вместе с эсерами быстро умножали свои партийные ряды, царили на митингах, были широко представлены в различных общественных организациях. В мае в Петрограде прошла Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, а в августе — объединительный съезд меньшевиков, на котором было официально провозглашено создание самостоятельной меньшевистской партии, получившей название РСДРП (объединенной). Правда, до настоящего единства в ней было далеко, ибо, как и раньше, в меньшевизме сохранялось множество течений и оттенков, приверженцы которых не намерены были связывать себе руки строгой партийной дисциплиной.

Оставаясь партией социалистической ориентации, меньшевики считали, что в ближайший обозримый период перед Россией стоит одна главная задача — упрочение и развитие буржуазно-демократического строя. Что касается социализма, то переход к нему, по мнению меньшевиков, требовал громадного роста производительных сил, превращения рабочих в большинство населения страны и т. д. При этом основная часть меньшевиков во главе с Даном, Чхеидзе, Церетели, Потресовым, не говоря уже о Плеханове (по возвращении из эмиграции он возглавил в Петрограде группу «Единство»), выступала за скорейшее создание широкой общенациональной демократической коалиции с участием буржуазии и пролетариата с целью защиты страны от Германии. Стержнем их политической платформы было так называемое революционное оборончество, причем большинство социалистов-оборонцев, не отказываясь от продолжения войны, объявляло себя сторонниками справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций, тогда как число сторонников войны до полной победы над Германией таяло с каждым днем.

Надо сказать, что программа право-центристского большинства меньшевистской партии, несмотря на имевшиеся в ней позитивные моменты, не отличалась ни последова-

тельностью, ни радикализмом. Решение всех крупных вопросов экономической и политической жизни страны откладывалось меньшевиками до созыва Учредительного собрания, а деятельность меньшевистских министров Временного правительства, как правило, не приносила сколько-нибудь ощутимых результатов, вызывая лишь раздражение народных масс.

Лидер меньшевиков-интернационалистов Мартов, разделявший идею мировой социалистической революции, был горячим сторонником безотлагательного заключения всеобщего демократического мира, резко критиковал меньшевистских руководителей за согласие на участие в Временном правительстве, неспособном дать народу мир, хлеб и землю, и возлагал все свои надежды на создание широкого демократического блока пролетарских и мелкобуржуазных слоев, к которому и должна была, по его мнению, перейти власть в стране. Конкретными участниками этого блока должны были стать все социалистические партии, Советы, профсоюзы, фабзавкомы, армейские комитеты. К осени 1917 г. Мартову и его сторонникам стало ясно: правительство демократической России должно стать «однородным социалистическим правительством», т. е. освободиться от кадетов и других буржуазных деятелей. Но произойти это должно было без вооруженного восстания и кровопролития, на основе политического соглашения демократических сил с кабинетом Керенского.

Однако меньшевики-интернационалисты, имевшие на августовском съезде партии лишь немногим более трети голосов, не могли оказать решающего влияния на ход событий. Соглашение между большевиками, меньшевиками и эсерами оказалось в 1917 г. невозможным. Принципиальные различия в толковании марксистской доктрины, взаимное неприятие и амбиции большевистских и меньшевистских лидеров, крайний экстремизм части рабочих и солдатских масс — все обернулось против Мартова и его единомышленников. 25 октября 1917 г. власть в Петрограде перешла в руки большевиков и левых эсеров. Демонстративный уход меньшевиков и правых эсеров со II Всероссийского съезда Советов лишь расчистил дорогу большевистской диктатуре.

Как ни горько это было признавать меньшевикам, в 1917 г. они потерпели серьезное политическое поражение. Об этом красноречиво свидетельствовали и итоги выборов в Учредительное собрание, проходивших в конце 1917 г.

по самому демократичному за всю историю России избирательному закону. Как известно, меньшевики получили на них всего 2,3% голосов (причем больше половины из них — в Закавказье). Европейизированная марксистская модель «демократического социализма», сторонниками которой были меньшевики, оказалась в 1917 г. для России неприемлемой.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . .	3
-----------------------	---

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

МЕНЬШЕВИКИ . . . . .	9
СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ . . . . .	26
ЭСЕРЫ-МАКСИМАЛИСТЫ . . . . .	47
АНАРХИСТЫ . . . . .	62
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ . . . . .	87
ОКТЯБРИСТЫ . . . . .	108
СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА . . . . .	129
РАДИКАЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТЫ . . . . .	150

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Г. В. ПЛЕХАНОВ . . . . .	167
А. Н. ПОТРЕСОВ . . . . .	185
В. М. ЧЕРНОВ . . . . .	205
Б. Д. КАМКОВ . . . . .	228
П. А. КРОПОТКИН . . . . .	247
П. Н. МИЛЮКОВ . . . . .	263
А. И. ГУЧКОВ . . . . .	281
П. П. РЯБУШИНСКИЙ . . . . .	304
В. М. ПУРИШКЕВИЧ . . . . .	320
ИЛИОДОР (С. М. ТРУФАНОВ) . . . . .	341